

DOI: 10.19181/inter.2023.15.4.4.
EDN: EFIXKE

Причины (не)удачной солидарности гражданского общества в России: профессионализм без альтруизма

Ссылка для цитирования:

Ярошенко С. С., Лыткина Т. С. Причины (не)удачной солидарности гражданского общества в России: профессионализм без альтруизма // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2023. Т. 15. № 4. С. 75–96. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.4.4> EDN: EFIXKE

For citation:

Yaroshenko S. S., Lytkina T. S. (2023) Reasons for the (Un)Successful Solidarity of Civil Society in Russia: Professionalism Without Altruism. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 15. No. 4. P. 75–96. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.4.4>

Ярошенко Светлана Сергеевна

Независимый исследователь,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: svetayaroshenko@gmail.com

Лыткина Татьяна Степановна

Институт социально-экономических
и энергетических проблем Севера Коми научного
центра Уральского отделения РАН, Сыктывкар, Россия
E-mail: tlytkina@yandex.ru

В статье проводится сравнительный анализ результатов двух кейс-стади, проведенных авторами с 2010 по 2020 год в общественных организациях России. Утверждается, что в российском обществе сосуществуют две основные формы гражданской солидарности: моральная и профессиональная. Обе направлены на решение социальных проблем, вызванных воспроизводством бедности. Обе выражают себя через создание гражданских инициатив, ориентированных на помощь другим, оказавшимся в сложной жизненной ситуации. Однако вместе с профессионализацией происходит смещение ориентиров с помощи другим на личные достижения, а вместе с этим выстраиваются границы между профессионалами и нуждающимися в поддержке. Помощь

оказывается нефункциональной в рыночном обществе, но тем не менее востребованной среди бедных, заинтересованных в преодолении структур неравенства через взаимопомощь и кооперацию. Моральная солидарность, хотя и самодостаточная, не поддерживается неолиберальной идеологией и государством. Профессиональная солидарность, напротив, согласуется с рыночной логикой, но выстраивается, сохраняя дистанцию и от государства, и от общественных организаций с другими ценностями. В результате формируются замкнутые солидарные сообщества, ограниченные во влиянии на власть.

Ключевые слова: гражданская солидаризация; моральная и профессиональная солидарность; инволюция; неолиберальная политика; постсоциализм

Введение

На протяжении последних трех десятилетий формирование рыночных отношений в России сопровождалось выстраиванием разнонаправленных защит общества от рынка. Наличие таких защит — это закономерная реакция на разрушительное влияние рынка, подчинение которого обществу является важным условием успешной социальной трансформации [Поланьи, 2002]. Однако в начале 2000 года, подводя итог десятилетних исследований в России, американский социолог М. Буравой опубликовал статью под названием «Великая инволюция в России». В ней он задавался вопросом, почему в одной стране (Англия XIX века) рынок способствовал появлению энергичного и процветающего общества, а в другой (Россия XX века) привел к тому, что общество отступило, спрятавшись в раковину подобно улитке [Буравой, 2000]. Одним из ответов на этот вопрос было заключение, что в значительной степени оказались разрушены основы социальной организации на рабочем месте, а также то обстоятельство, что трудовой коллектив, хотя и сохранялся, уже больше не был средством защиты работников [Clarke, 1995; Ashwin, 1999]. Данная тенденция сопровождалась ростом социального неравенства и расколом общества на множество замкнутых социальных групп, чья кооперация была ограничена, при этом акторы, занимающие привилегированные позиции, контролировали доступ к ресурсам менее благополучных сограждан [Лыткина, 2011]. Принимая во внимание данные заключения, мы инициировали исследования гражданских инициатив, среди которых полагали обнаружить новые формы солидарности, направленные на решение актуальных социальных вопросов, способные защитить общество и гражданские права от давления рынков и государства. Результаты проведенных нами исследований позволяют включиться в дискуссию о том, что сдерживает развитие гражданского общества [Патнэм, 1996], в каких специфических формах оно реализуется в России и каковы основания для конструктивных взаимодействий граждан друг с другом [Шабанова, 2017].

В данной статье мы обращаемся к российскому гражданскому обществу, не являющемуся частью ни экономической сферы, ни государства. Наша

задача — представить результаты сравнительного анализа двух случаев гражданской солидаризации в контексте реализации неолиберального проекта¹ в постсоциалистических условиях. Первый случай — общественный центр «Пегас»² в северном регионе России, оказывающий бесплатные услуги детям из бедных семей и взрослым с ограниченными возможностями, второй — социально-культурная организация «Фортуна» в Санкт-Петербурге, также предоставляющая бесплатные занятия, ориентированные на развитие потенциала детей и подростков из групп социального риска (с уличным опытом, из неблагополучных семей). В обоих случаях в фокусе внимания общественных организаций были дети и подростки, чьи возможности для самореализации и признания в обществе ограничены не только низкими родительскими ресурсами, но и существующими по отношению к ним предубеждениями и ошибочными представлениями о причинах неблагополучия и видах необходимой поддержки. Иными словами, оба случая — это примеры солидаризации, коллективного действия, направленного на решение социальных проблем, вызванных воспроизводством бедности. Оба случая изучались в 2010-е годы в стиле развернутого монографического исследования, предполагающего разворот от исследователя к информанту, от микроситуации к макроконтексту, во времени и пространстве и, наконец, «реконструкцию устаревшей теории» [Буравой, 1999]. Суть данного метода заключается в том, что теория не открывается заново, а пересматривается, не обосновывается, а совершенствуется, то есть разворачивается перед лицом внешних аномалий и внутренних противоречий [Burawoy, 2009]³. При изучении первого случая интервью проводились как с участниками солидарного сообщества, так и с представителями сотрудничающих с ним организаций: муниципальными и региональными чиновниками, работниками детских учреждений, а также потребителями частных услуг. Такое расширение способствовало прояснению масштабов кооперации и внешних факторов, сдерживающих или стимулирующих ее. Исследование второго случая также было дополнено элементами институциональной этнографии, направленной на раскрытие управляющих отношений, ограничивающих автономию и способность менять жизненную ситуацию по инициативе самих участников [Smith, 2005]. Применение этой методологии позволило детальнее описать ущерб, наносимый гражданской солидарностью существующим институциональным устройством, а также четче представить возможные трансформационные стратегии, усиливающие солидарное действие. Сравнительный анализ полученных результатов

¹ Неолиберализм — это теория политэкономической практики, исходящей из убеждения, что благополучие людей может быть достигнуто путем предоставления индивидам свободы предпринимательства с помощью институтов, поддерживающих право частной собственности, свободный рынок и свободную торговлю [Harvey, 2005].

² Для сохранения анонимности используются вымышленные названия общественных организаций, в которых проводились исследования.

³ В целом, следуя данным принципам, развивается рефлексивная модель социологии, альтернативная позитивистской и основанная на рефлексии по поводу взаимодействия исследователя и участников, локальных процессов и внешних сил, разных теорий внутри социологического знания [Burawoy, 2009: 13–55].

осуществляется по следующим основаниям: политики идентичности, способы взаимодействия, формы и масштаб солидарности. Тем самым мы стремимся ответить на вопрос о том, как меняется солидарность в российском обществе, какие способы взаимодействия ее ограничивают, а какие способствуют успешной солидаризации в решении социальных вопросов. В итоге нас интересует, почему солидаризация отставала от процессов индивидуализации и аномии, а российское гражданское общество не стало консолидированным как в решении социальных вопросов, так и в противостоянии авторитарным тенденциям.

Основной тезис, выносимый на обсуждение в данной статье, можно сформулировать следующим образом: в обоих случаях зафиксирована *гражданская солидаризация*, для которой, однако, характерны незавершенные процессы формирования политики идентичности «снизу», ограничения в распространении кооперации за пределы гражданских инициатив и, наконец, минимальное влияние на проводимую государством социальную политику. Успешная солидарность предполагает продвижение интересов социально уязвимых групп более благополучными гражданами, необходимость вовлечения в солидарные проекты разных социальных классов и важность согласования их интересов при продвижении идеологических притязаний на гражданство, адресованных агентам, представляющим как капиталистические рынки, так и государство.

Гражданское общество между рынком и государством: макроконтекст

Общественные организации в России развиваются в условиях восстановления в стране капитализма и распространения рыночных отношений на ранее не охваченные ими сферы. Если в 1990-е годы рыночными реформами было охвачено производство, то в 2010-е годы изменения уже касались сферы социального воспроизводства.

Так, коммерциализация системы образования, здравоохранения и социальной защиты ускорилась в процессе реформирования бюджетных организаций, в частности с принятием в 2010 году федерального закона № 83-ФЗ о государственных учреждениях¹. Вместо распределения благ теперь и бюджетные, и автономные организации были призваны оказывать социальные услуги. Рыночные отношения, предполагающие рациональный расчет, радикально меняют способ взаимодействия и решения социальных вопросов. Индивидуальная активность в получении дохода для обеспечения благополучия, а также и прибыли, распространяется на нетоварную общественно значимую деятельность (по социальному воспроизводству),

¹ Федеральный закон от 08.05.2010 n 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты российской федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» (принят ГД ФС РФ 23.04.2010) // Государственная дума. URL: <https://duma.consultant.ru/documents/1261860?items=100> (дата обращения: 15.08.2023).

связанную с заботой о других, поддержанием социальных связей и передачей определенных ценностей. При этом труд за деньги совмещается с трудом по совести, что облегчает процесс извлечения прибыли. Поскольку забота не является товаром, а является значимой деятельностью, нагруженной различными смыслами и моральными обязательствами, то нематериальные составляющие деятельности по поддержанию социальных связей и заботы о других используются для компенсации и/ или оправдания низкой заработной платы. В результате в стратегиях решения конфликта между трудовым вкладом и его вознаграждением выстраивается неравный обмен в пользу тех, кто ориентирован на личное благополучие и получение коммерческой выгоды, в силу приписывания им «культурного» превосходства, скрывающего институциональный механизм исключения [Ярошенко, 2013].

Формирование рыночной экономики обслуживания в России сопровождается развитием не только рыночных или государственных сервисов, но и гражданского сектора: общественных организаций, предоставляющих услуги и демонстрирующих альтернативу прежним государственным институтам (детским домам, досуговым учреждениям и т.д.). Их деятельность также становится предметом государственного регулирования. За время существования изучаемых нами гражданских инициатив произошло законодательное оформление деятельности «социально значимых» организаций¹. Общественные организации стали поставщиками социальных услуг, классифицировались как «социально ориентированные», «общественно полезные» или «нежелательные». Существующее на данный момент правовое регулирование заметно ограничивает профессиональную деятельность негосударственных институтов [Здравомыслова, Ярошенко, 2022]. В целом любая регламентация деятельности общественных организаций уменьшает возможности социальных групп мобилизовать ресурсы и заявлять идеологические притязания на гражданство [Ляхман, 2016]. Однако следует подчеркнуть, что правительство постепенно лишало гражданское общество России власти, ограничивая возможности разных общественных классов (сначала рабочего, а затем и среднего) влиять на государственную политику.

В итоге российское гражданское общество формировалось под сильным давлением рынка и государства. Затрудняло его становление и развитие то, что вместе с приватизацией производства более половины предприятий, в том числе стратегических, определявших статус и благополучие советских людей, фактически становились убыточными, производство поглощалось обменом [Буравой, 2000], а специфика договорных отношений через трудовой

¹ Закон РФ «Об основах социального обслуживания РФ, № 442/2013 // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения: 16.08.2023);

Закон РФ «О регулировании деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранных агентов», № 121/2012 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201207230003> (дата обращения: 16.08.2023);

Закон РФ «Об основах общественного контроля в РФ», № 212/2014 // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165809/ (дата обращения: 16.08.2023);

Закон РФ «Об общественно полезных организациях», № 287/2016 // Гарант.Ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71335072/> (дата обращения: 16.08.2023).

коллектив разрушалась. Бывшие советские люди оказались беззащитны и были вынуждены сопротивляться, вырабатывая стратегии выживания в домохозяйствах, а не на рабочем месте через классовую солидарность. В то же время резкая социальная дифференциация на успешных и неуспешных, «свободных» и «зависимых», в основе которой — мораль, утверждающая индивидуальный успех и стигматизацию неудачников, разрушала основы солидарности российского общества. Вся последующая история становления российского капитализма — это не поиск способов выстраивания коллективной субъектности и солидарной (гражданской) защиты от рынка, а борьба за привилегированную статусную позицию и продвижение частных интересов [Лыткина, Ярошенко, 2023]. Тем не менее отдельные примеры солидаризации позволяют рассуждать о складывающихся формах солидарного взаимодействия и перспективах их развития в условиях разобщения.

Гражданская солидарность в условиях разобщения: реконструкция устаревшей теории

Отправной точкой для концептуализации результатов сравнительного анализа двух случаев стали рассуждения («устаревшие теории») о формах солидарности, сформулированные в классических трудах Э. Дюркгейма и П. Сорокина, которые в ходе становления рыночного общества в конце XIX — начале XX века наблюдали феномены аномии, разобщения и дезорганизации и пытались выделить основания социального взаимодействия и общественного согласия на уровне национальных государств [Дюркгейм, 1991; Sorokin, 1941]. Оба полагали, что *солидарность* обусловлена особым социальным качеством отношений — социальным образцом или паттерном кооперации и взаимодействия, — благодаря которому возможно (со)общество. Оба не рассматривали, как меняется такой образец или как он становится актуальным для совместного решения социальных вопросов. Между тем ими были предложены основания для анализа солидарностей, наблюдаемых в условиях социальных трансформаций.

Так, согласно Дюркгейму, к солидарности может относиться не всякая сплоченность. В первую очередь это морально одобряемый или обязательный для исполнения образец даже в условиях разделения труда и растущей профессиональной специализации. По мнению Сорокина, «солидарным будет всякое взаимодействие, где стремления обеих сторон совпадают, где одна сторона не только не мешает, но, напротив, помогает достижению стремлений другой стороны» [Сорокин, 1994: 112]. Итак, если первый настаивает на приоритете общественных интересов, то второй исходит из идеи совпадения интересов. В обоих случаях коррупция, терроризм и другие *разрушительные* для общества формы кооперации не могут быть отнесены к социальной солидарности. При всей спорности и социологическом идеализме обеих формулировок, следует признать, что они направляют исследовательский интерес в плоскость четкого определения характера взаимодействия: одностороннего

или двустороннего, а также границ коллективной солидарности: непременно выявления сообщества (группы), которому она выгодна, и масштабов ее общественной поддержки.

Другой значимой точкой теоретических разногласий классиков социологии является то, вокруг чего формируется солидарность, и какая роль в ее определении отводится общности интересов и целей¹, а вместе с этим — альтруизму и бескорыстию, соотношению общего и личного блага. Сорокин был убежден, что «солидарным будет всякое взаимодействие, где <> люди помогают друг другу; все группы, где люди совокупными силами стремятся к одной цели; все кооперативные союзы, где ряд лиц добровольно соединяет свои силы для достижения общих целей и интересов» [Сорокин, 1994: 123]. «Совпадение» формулируется в категориях веры в благовидность *помощи другому*, приоритет *идеи общего блага* над личным интересом². Дюркгейм, напротив, исходил из норм и правил взаимодействия, то есть из способов реализации индивидуальных или частных целей, которые складываются на практике через разделение труда. Он считал, что равенство возможностей и социальная справедливость внутренне присущи индустриализму, что будет постепенно проявляться по мере создания гражданских ассоциаций. В целом, на наш взгляд, эти две перспективы генезиса солидарности (из идеи общего блага или из частных интересов) можно усмотреть и в более поздних размышлениях о том, какая солидарность: «идейная» или «ресурсная», — является условием коллективной мобилизации в постмодернистском обществе [Турен, 1999; Tilly, 1983]. Более того, соединяют эти две перспективы исследования социального капитала, в которых утверждается возможность реализации личных интересов во взаимодействии с другими лицами [Коулман, 2001; Bourdieu, 1986]. Остается открытым вопрос об условиях достижения поставленных целей, что важно в нашем анализе.

Последний значимый момент дискуссии — направления изменения форм солидарности. Признано классическим утверждение, что формы взаимодействия меняются вместе с экономическим и общественным развитием. Новые формы солидарности, по мнению Дюркгейма, связаны с разделением труда и соотношением личной автономии с социальной солидарностью [Дюркгейм, 1991]. Механическая, основанная на растворении индивида в коллективе,

¹ Солидарность — термин, относящийся к признанию (belief) общности целей и интересов. Солидарность расценивается как источник силы и сопротивления, а на практике — как «единство цели». Иными словами, солидарность воспринимается как цель, а не средство ее достижения, что характеризовало, к примеру, профессиональную общность традиционного рабочего класса. В таком понимании общий опыт работы и общественной (коммунальной) жизни производит и поддерживает устойчивое (strong) ощущение братства наряду с ценностью взаимопомощи и участия. Можно также сказать, что это ощущение принадлежности (belonging) было источником коллективизма рабочего класса, хотя мало эмпирических доказательств и свидетельств, подтверждающих наличие такой солидарности. Поэтому существует масса сомнений относительно возможности общности и единства [Marshall, 1994: 503].

² Отзвуком такой прагматической и бескорыстной традиции является определение, приведенное в толковом словаре Ожегова, согласно которому «солидарность — это деятельное сочувствие каким-нибудь мнениям или действиям, общность интересов, единоподушие». URL: <https://ufo.me/dict/ozhegov/солидарность> (дата обращения: 23.09.2023).

солидарность постепенно замещается органической, основанной на специализации. В целом Дюркгейм идеализирует и преувеличивает возможности органической, функциональной солидарности. В свою очередь, Сорокин идеализирует стремление людей к бескорыстию, альтруизму и социальной солидарности, или креативному альтруизму. В то же время он полагает, что социальная политика способна сдерживать эгоистические и поощрять альтруистические тенденции, стабильное развитие которых зависит также от повседневной практики альтруистического поведения [Sorokin, 1950]. Это с трудом согласуется с относительно недавними диагнозами о сокращении социального капитала [Putnam, 1995] и со скепсисом по поводу возможности и необходимости солидарного действия вообще [Florida, 2002].

Для облегчения теоретических обобщений полученных результатов и реконструкции «устаревшей теории» были выделены два основания для типологий наблюдаемой солидарности. Первое основание связано с политиками идентичности и характеризует общность интересов, а также значение, которое ей приписывается: для других или для себя. В широком смысле такие политики предполагают не только осмысление целей солидарности, но и рефлексию относительно направлений развития общества. В целом политики идентичности — это сознательное формирование коллективной идентичности в процессе мобилизации и борьбы за социальные изменения. Второе основание классифицирует привычные способы кооперации в группе: сильный коллективизм (сплоченность) и жертвенность противопоставляются слабому взаимодействию (индивидуализму), взаимобмену, ориентации на расширение радиуса совместного действия и на включение разных акторов. Таким образом, на пересечении этих двух оснований можно выделить четыре типа солидарности: моральную, классовую, профессиональную и корпоративную (См.: Табл. 1).

Таблица 1

Типы социальной солидарности

Основания		Политики идентичности (смысл)	
		Для других	Для себя
Прагматизм / практики группового взаимодействия	Сильные и вертикальные (коллективные / групповые)	1. Моральная солидарность (благотворительность)	2. Классовая солидарность (перераспределение)
	Слабые и горизонтальные (индивидуальные / «фракционные»)	3. Корпоративная солидарность (гражданская специализация)	4. Профессиональная солидарность (рыночная специализация)

Моральная солидарность означает установку на помощь другим и приписывает всему сообществу (например, трудовому коллективу) подчинять личные интересы общему благу. В идеале взаимопомощь на повседневном уровне может развиваться в созидательный альтруизм, когда люди свободно, без принуждения, руководствуются интересами другого. При этом ограничение

взаимопомощи и альтруизма рамками какой-либо группы ведет к высокой групповой сплоченности, к жестко обозначенным границам между «нами» и «ними», а также к конфликтам с представителями других групп.

Внешне похожая установка на помощь другим продвигается в корпоративной солидарности. Однако она гибче и, в отличие от моральной кооперации, пытается хотя бы в риторике совместить личные и корпоративные интересы, что достигается за счет проницаемости границ сообщества, отсутствия прямого принуждения и управления экспертами, в том числе специализирующимися на менеджменте. В целом корпоративную солидарность отличает наличие организации, созданной для реализации административных или коммерческих целей, а также идентификация индивида с этой организацией.

Классовая солидарность ориентирована на решение собственных групповых интересов, и границы группы также относительно закрыты для классово чуждых, исключается та часть трудового коллектива, которая мешает реализовать общие интересы. Однако социологи-марксисты считают, что классовая солидарность при переходе от социализма к капитализму проявляется слабо и что сложно поместить классовую борьбу между рабочим классом и номенклатурой (классом распределителей) или новой буржуазией в эпицентр текущей социальной трансформации [Burawoy, 2000; Wright, 2007].

Профессиональная солидарность также ориентирована на решение групповых интересов, но при этом присутствует стремление предоставлять качественные услуги, исходя из разделения труда в социальной сфере и уровня компетенций экспертов. Предполагается, что профессиональная солидарность при участии экспертов способна усилить, то есть эмансипировать нуждающихся в поддержке и защищающихся от рынка. Профессиональное сообщество не ограничивается работающими в конкретной организации, а включает в себя представителей других сфер стратегического действия, которые обладают, по мнению экспертов, либо инновационным, либо трансформационным потенциалом.

В дальнейших рассуждениях мы обращаемся к двум полярным формам солидарности: моральной и профессиональной, — которые, исходя из рассмотренных выше теоретических положений, действуют при переходе от социализма к капитализму и, согласно классической социологической теории, представляют разные образцы взаимодействия. Однако в нашей интерпретации эти «образцы» не являются неизменными, становясь полем реализации интересов различных акторов. Иными словами, мы рассматриваем эти формы солидарности в качестве способов кооперации, варьирующихся в зависимости от того, как они связаны с общим и личным благом, а также с тем, кто (какой социальный класс или группа) ее поддерживает. Мы рассматриваем в том числе *солидарность* в узком смысле — как коллективные действия или гражданские инициативы, оформленные в виде некоммерческих организаций или инициативных гражданских проектов, направленные на решение актуальных социальных вопросов, способные защитить общество и гражданские права от давления рынков и государства; а в широком смысле — как способ кооперации и взаимодействия, благодаря которому возможно (со)общество.

Случай первый: солидарность бедных

Ключевой фигурой, вокруг которой формируется солидарное сообщество в одном из российских регионов, является женщина с высшим образованием, самозанятая, занимающаяся предоставлением услуг верховой езды на коммерческой и бесплатной основе. Основным источником ее доходов являются платные услуги по ипотерапии, катанию на лошадях и уроках ездовой езды. При этом она исходит из альтруистических установок необходимости помощи другим, оказавшимся в сложной жизненной ситуации или с ограниченными возможностями (инвалидностью). Коммерческий интерес и экономическая эффективность в ее случае подчинены социальной миссии. Рассматриваемый кейс является примером сплоченности трех групп: первая — предпринимательница и ее семья, вторая — взрослые люди с ограниченными возможностями, третья — волонтеры (студенты и молодые люди, в том числе бывшие и нынешние трудные подростки), увлеченные лошадьми и конным спортом. Члены неформального союза разделяют общие ценности взаимопомощи и бескорыстия. Они объединены общностью интересов, то есть намерением преодолеть структуры социального неравенства через кооперацию. Любой член перечисленных выше групп заинтересован в сохранении общественного центра, в расширении его предпринимательской деятельности и помощи тому, кто в ней нуждается. Поддержка детей из бедных семей и взрослых с ограниченными возможностями связана с принципиальной позицией предпринимательницы: не отказывать слабозащищенным группам населения в помощи, даже если это противоречит личным интересам и экономической эффективности бизнеса. Такая позиция основана на осознании личной ответственности за благополучие будущих поколений и стремлении быть активным членом местного сообщества.

Предпринимательница, несмотря на профессиональную специализацию и социальную ангажированность, сама испытывает материальные сложности, и, помимо финансовых проблем, сталкивается с недостатком знаний и навыков при ведении бизнеса, в общении с властями, в презентации себя, в поисках грантовой поддержки. Она регулярно повышает квалификацию, связанную с уходом и содержанием лошадей, тренерской работой и иппотерапией, но не находит поддержки своего бизнеса и гражданских инициатив со стороны других специалистов — профессионалов, заинтересованных в высокой оплате труда. Тем не менее, хотя финансовые трудности сохраняются, ее социальный бизнес расширился по сравнению с начальным этапом. Это свидетельствует не только об ее организаторских способностях, но и об эффективности созданного ею общественного союза, сплоченности группы и взаимном интересе в сохранении и расширении социального предприятия.

Примечательно, что нуждающимся в поддержке, в том числе в государственной социальной защите, здесь комфортно, и данный вид помощи они считают более эффективным, чем государственные сервисы. Взрослые с ограниченными возможностями были недовольны жалостью окружающих и критиковали некоторые государственные виды помощи, которые могут,

по их мнению, скорее, навредить, чем решить их проблемы. Здесь же они гордятся своими успехами: наградами, заработанными на соревнованиях деньгами, вовлечением в кооперацию, где их активное участие становится залогом успеха всего предприятия. Дети из неблагополучных семей с удовольствием проводят здесь свободное время, получают трудовые навыки ухода за животными, учатся верховой езде, общаются со студентами, получающими высшее образование, а также строят планы на будущее.

С момента создания своего социального бизнеса его основательница вместе с друзьями пытается решать проблемы недобросовестной конкуренции, бюрократической волокиты, отсутствия организационной и образовательной поддержки ее предпринимательской деятельности со стороны властей разных уровней. Работники государственных учреждений, высоко оценивая профессиональный уровень ее тренерской и воспитательной работы, признаются, что при наличии денег предпочли бы обратиться за услугами в другой центр, где лучше условия для тренировок и отдыха: *«очень бедненько»*, *«хотелось бы видеть их в другой униформе»*, *«нет условий, негде чай попить»*. Критикуя предпринимательницу за неумение налаживать отношения с властными структурами и находить деньги, они принимали ее услуги на бесплатной основе и не задумывались о возможности взаимовыгодного сотрудничества, оставляя ее предложения без внимания. Чиновники также отмечали высокий уровень профессионализма предпринимательницы и ее человеческие качества, но не были намерены сотрудничать, хотя и включали данный проект в свои отчеты. По их мнению, этот социально ориентированный проект должны поддерживать благотворительные фонды. Однако опыт обращения в фонды также оказался неудачным — поддержку получить не удалось.

В начале исследования группа единомышленников верила, что у них получится выстроить новый Центр, где будут предоставляться не только услуги на высоком профессиональном уровне, но и будет создана комфортная зона отдыха, однако спустя десятилетие их мечты так и не были реализованы. Ограничение возможностей низовой солидарности преодолеть не удается, хотя команда активистов довольно успешно решает проблемы социально исключенных групп собственными силами [Лыткина, 2012]. В целом данную форму солидарности можно считать моральной, ограниченной узким кругом единомышленников, без внешней поддержки и слабо встроенной в развиваемый государством институт благотворительности.

Случай второй: солидарность профессионалов

Социально-культурная организация «Фортуна» создана в Санкт-Петербурге в начале 2000-х годов как инициативный проект, в котором с помощью культурного образования организуется работа с детьми и подростками из групп риска. Идея создания проекта появилась у выпускницы немецкого университета после учебной практики и включенного наблюдения за работой срочной социальной службы в конце 1990-х годов в России. Исходя из этого опыта,

у нее появилась идея создания для детей и подростков со сложной жизненной ситуацией промежуточного педагогического пространства, *альтернативного* жизни на улице, где дети и подростки смогли бы доверять взрослым, развивать самосознание, научиться брать на себя ответственность и, в конце концов, социализироваться [Schorn, 2012]. Иными словами, изначально такой проект был инициирован одним человеком, ориентированным на помощь бедным (уличным детям), с учетом их интересов, а также их вовлечением в принятие решений относительно способов создания дружественного им пространства.

Таким пространством стала социально-культурная организация, для развития которой удалось найти единомышленников в Берлине и Санкт-Петербурге, а также собрать деньги меценатов и благотворительных фондов для начального двухмесячного проекта. Такая его поддержка на начальном этапе была значимым условием для дальнейшего развития. Со временем первоначальная идея была сформулирована уже как миссия раскрывать творческий потенциал и созидательное начало в каждом человеке и как цель менять жизненный сценарий и социальный статус детей и подростков с помощью творчества. Важной составляющей совместной деятельности сотрудников и участников социально-культурного проекта стало производство спектаклей. В настоящий момент основными его спонсорами являются петербургские предприниматели, причем примерно треть расходов организация покрывает самостоятельно через платные программы и показ спектаклей. В штате занято около восьми постоянных сотрудников, примерно столько же временных (почасовых) работников, есть волонтеры. Изначально намерения инициатора гражданского проекта были связаны с профессиональной самореализацией, и в последующем проект развивался как солидарность профессионалов (социальных работников, педагогов, режиссеров и художников), заинтересованных в «конструировании другой реальности через усиление индивидов» [Ярошенко, Шорн, 2020].

Данный социально-культурный проект отличают либеральная идеология и творческие методы работы с детьми из неблагополучных семей, направленные на *«раскрытие творческого потенциала»*, то есть на формирование некой сопротивляемости жизненным невзгодам, готовности и способности самостоятельно их преодолеть (из интервью с руководителем проекта). Несмотря на то что ситуация в родительских семьях не меняется, считается, что *«появляется выбор: не у всех, но у многих есть. За счет того, что они на улице проводили мало времени, они в эту среду асоциальную, как, например, их одноклассники, не попали»* (интервью с социальным работником), то есть появился выбор между дворовой компанией и творческими занятиями. В то же время выбор в пользу данного социально-культурного проекта дается с трудом и далеко не всем: из 30 набранных участников спустя год остается половина, а до выпуска доходит только треть. Это показывает как возможности, так и пределы конструирования другой реальности через усиление индивида. Сами участники в первую очередь ценят то, что в их жизни появляется «атмосферное» место с дружественным к ним отношением, а сотрудники — творческий метод, усиливающий детей таким образом, что они могут сами

влиять на жизненные ситуации, реализовать свои мечты и самостоятельно преодолевать неблагополучие. В представлениях подростков-участников и сотрудников о способах решения социальной проблемы (преодоления неблагополучия) не хватает согласованности: дети готовы включаться в другой мир и другие отношения через конкретные действия и прагматичные решения, а сотрудники сосредоточены на изменении ценностей и моральном выборе. Одним из вариантов достижения согласия могло бы стать диалоговое общение [Freire, Ramos, 2009]. Тогда «атмосферное место» может стать местом для практических изменений, а вслед за активизацией индивида, к которой стремятся сотрудники проекта, вместе с критической рефлексией может произойти осознание причин неравенства и совершенствование способов его преодоления.

Случай является примером сплоченности сотрудников проекта, волонтеров и меценатов. Круг людей, поддерживающих данный проект, смешан по классовому составу, хотя большую часть составляет класс профессионалов. Солидарное сообщество избирательно взаимодействует с другими общественными организациями, предпочитая работать с теми, кто разделяет их ценности и методы работы. Систематическое сопровождение семьи ребенка или защита интересов целевой группы в сотрудничестве с другими общественными организациями не является для них приоритетным. Более того, практикуется мало способов вовлечения участников проекта (подростков) в процесс принятия решений. Иначе говоря, вместе с профессионализацией и привлечением в проект профессионалов, заинтересованных в высоком заработке, солидарное сообщество начинает четче позиционировать свою исключительность, а также определять границы между «своими» и «нуждающимися», вытесняя последних на периферию, все больше ориентируясь на коммерческий и рыночный успех. Наконец, социально-культурный проект дистанцируется от взаимодействия с государством, хотя сотрудники признают достоинства скандинавской системы, где государство и городской бюджет оплачивают расходы похожего проекта. В России практики социально ориентированного государства так и не сложилось, напротив, выстраиваются границы, и профессионализм становится инструментом оправдания существующих структур неравенства. В целом данную форму солидарности можно считать профессиональной: хотя она и ограничена в представительстве интересов целевой группы, тем не менее она выходит за рамки узкого круга единомышленников и находит поддержку у состоятельных людей.

Траектории гражданской солидаризации: сравнительный анализ

В данной статье мы представляем два случая солидаризации, опирающиеся на индивидуальные гражданские инициативы. Оба случая социально ориентированы, то есть направлены на решение социальных проблем, и организаторы заинтересованы в интеграции социально уязвимых групп в общество.

Но выбранные случаи изначально отличаются тем, что объединяют участников солидарности с различными материальными ресурсами. В одном случае — всего один профессионал, пытающийся объединить людей, равнодушных к социальным проблемам трудных подростков и взрослых с ограниченными возможностями в одном из периферийных городов России, а в другом — это группа успешных профессионалов крупного российского города.

Значимым основанием для солидаризации в общественном центре «Пегас» является помощь другим. Такие альтруистические установки проявились изначально при создании данной общественной организации, когда стало затруднительным отказать в помощи ее посетителям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации: *«Занимаясь с этими детьми, если смотреть глубоко, я же формирую социум, в котором будут расти мои дети, в котором я буду встречать свою старость. Представляете, я, может быть, какого-то ребенка, который мог бы вырасти жестоким, поведу совсем по другому пути»* (из интервью с руководительницей центра). И хотя центр предоставлял платные услуги, социальная миссия оказалась важнее экономической эффективности. В социально-культурной организации «Фортуна», напротив, очевидна ориентация на личные достижения и на профессионализацию как участников, так и сотрудников проекта. Продвигается идея раскрытия личного потенциала и способности каждого реализовать свои мечты. Выпускники данного проекта транслируют эту идеологию, подчеркивая, что *«профессионал — это тот, кто зарабатывает себе на жизнь, кто может себя обеспечить»* (из интервью с бывшим участником). При этом не артикулируются сложности, с которыми может столкнуться профессионал на этом пути. Предполагается, что через индивидуальную активность можно преодолеть любые преграды.

В первом случае (общественном центре) ключевыми формами взаимодействия являются взаимопомощь и кооперация. В ответ на оказанную поддержку «нуждающиеся» стали предлагать свою помощь в поддержании чистоты и порядка в центре, в уходе за животными, в сопровождении на официальные встречи с чиновниками, в моральном содействии. Личные достижения участников проекта разделяются всеми членами солидарного сообщества, а успех предприятия становится общим успехом. Так создается атмосфера семьи и дома, а благодарные люди включаются в круги кооперации. В социально-культурной организации также есть риторика о взаимопомощи и поддержке друг друга, но все же ведущей практикой взаимодействия является личное достижение через участие в спектакле, самостоятельное совладание с жизненными трудностями, мешающими участию в данном проекте, но преодолеваемыми при выборе активного («серьезного») досуга и дистанции от «бедной» среды. В свою очередь, вовлечение профессионалов в данный проект было нагружено смыслами эмоциональной вовлеченности в социально значимое дело, где они могут развить свои умения и навыки. Если в первом случае важным становится принцип социальной ответственности и совместного решения социальных проблем, то во втором — личная ответственность и самостоятельное преодоление жизненных трудностей. В результате при устойчивом делении на «успешных» и «неудачников» подрываются основы

солидарности самых уязвимых групп населения. Между тем для преодоления застойной бедности нужны каналы вертикальной мобильности, а не только ориентация на успех и достижение, которые при закрытости различных социальных групп будут оставаться невостребованными. При отсутствии внешних возможностей и стимулов внутренние ресурсы сокращаются, а полученные знания и навыки утрачиваются вместе с сокращением потребностей [Лыткина, 2005], а значит, неизбежны возвращение на низкий уровень потребления, характерный для родительских семей, и формирование культуры бедности [Ярошенко, 2005].

Формы и масштаб солидарности также различаются. В общественном центре «Пегас» участники солидарного сообщества помогают друг другу, но их совместные усилия больше похожи на стратегии выживания группы, а не на расширение социального предприятия и распространение взаимных форм кооперации. У них нет связей, нет поддержки со стороны успешных предпринимателей, нет интереса со стороны чиновников. Их заявку не поддержал благотворительный фонд, не признав в них профессионалов и не дав возможности развиваться. Для развития социального бизнеса нужны специалисты, но из-за нехватки средств привлечение их в дело остается проблематичным. Круг связей активистов ограничен, да и представители властей разных уровней также не оказывают поддержки.

В фокусе деятельности социально-культурной организации «Фортуна» — дети из неблагополучных семей. В последнее время здесь также развивались другие направления работы для детей с ограниченными возможностями, в частности с синдромом Дауна. Но и в работе с ними предполагалось, что творческий метод позволит им преодолеть физические ограничения, развить способности. Этот подход был привлекательным для родителей с образованием и ресурсами. Также он был поддержан бизнесменами и частными благотворителями. На первоначальном этапе была попытка найти государственную поддержку, но при столкновении со встречными требованиями по отчетности или идейному позиционированию сотрудники социального театра все больше дистанцировались от взаимодействия с государством, придерживаясь принципа «лишь бы не мешали».

В основе первого кейса наблюдается трансформация постсоветской практики брать трудного подростка на «поруки», помогая интегрироваться в коллектив и общество. Во втором случае решение социальной проблемы опирается на коммерческие основания и моральные принципы, согласно которым любой труд должен быть достойно оплачиваемым. Проект реализует рыночные ценности, ориентированные на «успех», «индивидуализм» и «профессионализм». Если в первом примере получатели «добра» интегрированы в процесс принятия решений и вместе с руководительницей организации ориентированы на расширение проекта и помощи нуждающимся, то во втором сформированы четкие границы между группой солидарности профессионалов и благополучателями. Если в первом случае солидарность разнонаправлена и идет поиск вариантов сотрудничества с различными организациями, в том числе и государственными, то во втором обращение

к государству минимизируется из-за опасений давления (контроля) с его стороны. Роль государства в этих отношениях противоречива: если в первом случае чиновники проявили незаинтересованность в поддержке и развитии «уникального» для региона проекта, то во втором выразили готовность использовать не менее «уникальный проект» в качестве рекламы и для целей показательной отчетности. Солидарность в первом случае все больше сворачивается и замыкается в кругу единомышленников, а во втором — коммерциализируется.

В идеале профессионализация должна создавать основания для институционализации и распространения моральной солидарности. Однако результаты кейс-стади показали, что вместе с профессиональным ростом происходит смещение интересов: ориентация на других замещается установкой на личные достижения, преодоление разных форм неблагополучия уже видится не как результат взаимопомощи и кооперации, а как следствие самопомощи и индивидуальной активности. В результате вместе с профессионализацией выстраиваются границы между профессионалами и нуждающимися в помощи, фактически происходит отказ от социальной работы и деятельности по интеграции детей из неблагополучных семей в общество. Тем самым закрываются возможности для расширения солидарности и делается акцент на реализации частных интересов, на изменении сознания и ценностей. Оба вида солидарности в итоге существуют в замкнутых пространствах. Моральная солидарность, хотя и самодостаточная, но не функциональная для рыночной экономики, не поддерживается неолиберальной идеологией и государством. Профессиональная солидарность сочетается с рыночной логикой, но выстраивается на дистанции и от государства, и от общественных организаций с другими ценностями.

Между тем мы настаиваем на том, что решать социальные проблемы надо «снизу», продвигая интересы самых обездоленных. Мы также исходим из того, что задача публичной социологии состоит в том, чтобы объяснять социальную реальность ученым, политикам, общественным организациям и гражданам. «Когда объективное знание о системе в целом не учитывается, общество радикализуется. Оппозиция может выступать от имени угнетенных, однако следует учитывать, что интерес представительства бесправных становится понятным и проявляется тогда, когда есть обоснованное осознание происхождения социального неравенства» [Лыткина, Ярошенко, 2019: 122].

Заключение

В ходе кейс-стади мы сравниваем две формы гражданской солидарности: моральную и профессиональную, — и делаем вывод об их сосуществовании в замкнутых пространствах, при поддержке разных ценностных сообществ.

В классической социологической теории существует два противоположных ответа на вопрос о динамике солидарности в рыночном обществе, развивающейся вместе с его экономическим и социальным развитием. Моральная

солидарность (альтруистическая в терминах П. Сорокина) может стать ведущей при поддержке государства и повседневной практике альтруизма. Профессиональная солидарность (органическая в терминах Э. Дюркгейма) усиливается вместе с разделением труда и усложнением общества. Оба социолога рассматривали солидарность в качестве образца взаимодействия и не изучали, как меняется такой образец или насколько актуальным он становится для совместного решения социальных вопросов. Наше исследование показало, что профессиональная солидарность поддерживается рыночной логикой и неолиберальной политикой. Однако вместе с профессионализацией смещаются ориентиры с помощи для других на личные достижения, а вместе с этим выстраиваются границы между профессионалами и нуждающимися в помощи. Рассогласованная позиция профессионалов, извлекающих прибыль из своей экспертизы, профессиональных умений и навыков, без диалогового общения с другими мешает расширять круги солидарности.

В российском обществе попытки солидаризации в решении социальных проблем отставали от процесса индивидуализации, для которого свойственен поиск личной свободы, возможности самореализации и укрепления позиций в обществе. Ценности взаимопомощи и ценности достижения представляли разные направления в действовавших на уровне гражданских инициатив политиках идентичности. Практики взаимодействия в низовых формах солидарности, с одной стороны, были ориентированы на взаимопомощь и кооперацию, а с другой — на реализацию личных интересов и создание условий для профессиональной активности. Солидаризация бедных проходила в условиях преимущественного влияния ресурсообеспеченных групп на устанавливаемые «правила игры», укрепляющие их позиции в обществе. Очерчивая свое культурное «Я», они выстраивали непреодолимую социальную дистанцию с группами населения с ограниченными материальными и социальными ресурсами. Однако профессиональная солидарность, или солидаризация профессионального класса, также была ограниченной, поскольку не представляла интересы социально уязвимых. Таким образом формировались замкнутые солидарные сообщества, ограниченные во влиянии на власть. С одной стороны, гражданское общество устанавливается через повседневный опыт помощи друг другу, развивая моральную солидарность; с другой стороны, оно формируется через защиту личных интересов, упрощая профессиональную солидарность.

Литература

- Буравой М. Великая инволюция: Реакция России на рынок // Рубеж. 2000. № 15. С. 5–35.
- Буравой М. Развернутое монографическое исследование: между позитивизмом и постмодернизмом // Рубеж. 1998. № 10–11. С. 154–176.
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991.
- Здравомыслова Е., Ярошенко С. Публичная социология в Российском контексте // Глобальный диалог. 2022. Т. 12. № 3. С. 8–10.
- Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 121–139.

Лыткина Т. С. Экономическое поведение «новых бедных» в условиях социальной трансформации: Дис. ... канд. соц. наук: 22.00.03. М.: СГУ им. Питирима Сорокина, 2005. EDN: [NNGNYF](#)

Лыткина Т. С. Социальная биография исключения в постсоветской России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 1. С. 87–109. EDN: [NVUFUZ](#)

Лыткина Т. С. Социальный капитал в решении социальных проблем: практики солидарности бедных в Республике Коми // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. № 3. С. 130–154. EDN: [PCXBRR](#)

Лыткина Т., Ярошенко С. Возможна ли социология для трудящихся классов сегодня? // Мир России: Социология, этнология. 2019. № 28. С. 101–123. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-1-101-123> EDN: [YYANHF](#)

Лыткина Т., Ярошенко С. Вытеснение Российского Севера: исключение без права на ресурсы // Экономическая социология. 2023. Т. 24. № 5. С. 93–127. DOI: <http://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-5-93-127>

Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem, 1996.

Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002. EDN: [VUMQIR](#)

Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: Институт социологии РАН, 1994.

Турен А. Способны ли мы жить вместе? Равные и различные // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В. Л. Инноземцева. М.: Academia, 1999.

Шабанова М. А. Традиционные и новые солидарности в пространстве потребительских благ и ресурсов // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 31–44. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162517080049>

Ярошенко С. Бедность в постсоциалистической России. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2005.

Ярошенко С. «Женская работа» и личное благополучие. Технологии исключения в постсоветской России // Экономическая социология. 2013. Т. 14. № 5. С. 23–59. EDN: [RZMVBX](#)

Ярошенко С., Шорн А. Социальный цирк в постсоциалистической России: кейс-стади новой солидарности // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18. № 3. С. 491–508. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-3-491-508> EDN: [ABUGNA](#)

Ashwin S. Redefining the Collective: Russian Mineworkers in Transition // Uncertain Transition / Ed. by M. Burawoy, K. Verdery. Lanham: Rowman and Littlefield, 1999. P. 245–272.

Burawoy M. The Extended Case Method. Four Countries, Four Decades, Four Great Transformations, and One Theoretical Tradition. Berkeley: University of California Press, 2009.

Burawoy M. A Sociology for the Second Great Transformation? // Annual Review of Sociology. 2000. Vol. 26. P. 693–695.

Bourdieu P. The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. New York: Greenwood, 1986.

Clarke S. Management and Industry in Russia: Formal and Informal Relations in the Period of Transition. Brookfield: Ashgate, 1995.

Florida R. The Rise of the Creative Class. And How It's Transforming Work, Leisure and Everyday Life. New York: Basic Books, 2002.

Freire P., Ramos M. B. Pedagogy of the Oppressed. Chapter 2 // Race/Ethnicity: Multidisciplinary Global Contexts. 2009. Vol. 2. № 2. P. 163–174.

Harvey D. A Brief History of Neoliberalism. Oxford: Oxford University Press, 2005. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780199283262.001.0001>

Marshall G. The Concise Dictionary of Sociology. Oxford: Oxford University Press, 1994.

Putnam R. D. Turning In, Turning Out: The Strange Disappearance of Social Capital in America // Political Science and Politics. 1995. Vol. 28. № 4. P. 664–683. DOI: <https://doi.org/10.2307/420517>

Schorn A. Sozialer Zirkus Zwischen Pädagogischen Utopien und Marktwirtschaftlicher Realität. Ein Fallbeispiel: Zirkus UPSALA im Federleichten Spagat Zwischen Künstlerischer und Sozialer Arbeit Mit Kindern und Jugendlichen!?! // Zeitschrift für Theaterpädagogik. 2012. № 61. P. 40–44.

Smith D. E. Institutional Ethnography: A Sociology for People. Toronto: AltaMira Press, 2005.

Sorokin P. Altruistic Love: A Study of American "Good Neighbors" and Christian Saints. Boston: Beacon Press, 1950.

Tilly Ch. Speaking Your Mind Without Elections, Surveys or Social Movements // Public Opinion Quarterly. 1983. Vol. 47. № 4. P. 461–478.

Wright E. O. Guidelines for Envisioning Real Utopias // Soundings. 2007. № 36. P. 26–39.

DOI: <https://doi.org/10.3898/136266207820465778>

Wright E. O. Envisioning Real Utopias. London: Verso, 2010.

Сведения об авторах:

Ярошенко Светлана Сергеевна — кандидат социологических наук, независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** svetayaroshenko@gmail.com. **РИНЦ Author ID:** 121756; **ORCID ID:** 0000-0002-2301-9172; **ResearcherID:** N-4603-2013.

Лыткина Татьяна Степановна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Россия. **E-mail:** tlytkina@yandex.ru **РИНЦ Author ID:** 372110; **ORCID ID:** 0000-0003-1972-9080; **ResearcherID:** N-9076-2017.

Статья поступила в редакцию: 30.09.2023

Принята к публикации: 01.11.2023

БАК: 5.4.4

Reasons for the (Un)Successful Solidarity of Civil Society in Russia: Professionalism Without Altruism

DOI: 10.19181/inter.2023.15.4.4

Svetlana S. Yaroshenko *Independent Researcher, St. Petersburg, Russia*
E-mail: svetayaroshenko@gmail.com

Tatyana S. Lytkina *Institute of Socio-Economic and Energy Problems Komi SC UB RAS, Syktывkar, Russia*
E-mail: tlytkina@yandex.ru

The article provides a comparative analysis of the results of two case studies in public organizations in Russia, conducted by the authors from 2010 to 2020. It is argued that two forms of civic solidarization coexist in Russian society: moral and professional. Both are oriented

towards solving social problems caused by the reproduction of poverty. Both were created in the form of civic initiatives oriented to help others in difficult life situations. However, along with professionalization comes a shift in emphasis from helping others to personal achievement, and the boundaries between professionals and those in need of help are created. Helping others turns out to be non-functional in a market society, but it is in demand among the poor, who are interested in overcoming structures of inequality through mutual aid and co-operation. Moral solidarity, although self-sufficient, is not supported by neoliberal ideology and the state also. Professional solidarity is consistent with the market logic, but it is created at a distance from both the state and social organizations with other values. As a result, closed solidarity communities are formed, limited in their influence.

Keywords: civic solidarization; moral and professional solidarity; involution; neo-liberal policies; postsocialism

References

Ashwin S. (1999) Redefining the Collective: Russian Mineworkers in Transition. In: M. Burawoy, K. Verdery (eds.) *Uncertain Transition*. Lanham: Rowman and Littlefield. P. 245–272.

Bourdieu P. (1986) The Forms of Capital. In: *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York: Greenwood.

Burawoy M. (1998) Razvernutoe monograficheskoe issledovanie: mezhdru pozitivizmom i postmodernizmom [The Extended Case Method: Steering a Course Between Positivism and Post-modernism]. *Rubezh* [Rubezh]. No. 10–11. P. 154–176. (In Russ.)

Burawoy M. (2000) A Sociology for the Second Great Transformation? *Annual Review of Sociology*. Vol. 26. P. 693–695.

Burawoy M. (2000) Velikaya involyuciya: Reakciya Rossii na rynek [Great Involution: Russia's Response to the Market]. *Rubezh* [Rubezh]. No. 15. P. 5–35. (In Russ.)

Burawoy M. (2009) *The Extended Case Method. Four Countries, Four Decades, Four Great Transformations, and One Theoretical Tradition*. Berkeley: University of California Press.

Clarke S. (1995) *Management and Industry in Russia: Formal and Informal Relations in the Period of Transition*. Brookfield: Ashgate

Coleman J. (2001) Kapital socialnyj i chelovecheskij [Social and Human Capital]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Contemporary World]. No. 3. P. 121–139. (In Russ.)

Durkheim E. (1991) *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sociologii* [The Division of Labor in Society. Method of Sociology]. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Florida R. (2002) *The Rise of the Creative Class. And How It's Transforming Work, Leisure and Everyday Life*. New York: Basic Books.

Freire P. (2018) *Pedagogika ugnjetennyh* [Pedagogy of the Oppressed]. Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus. (In Russ.)

Freire P., Ramos M.B. (2009) Pedagogy of the Oppressed. Chapter 2. *Race/Ethnicity: Multidisciplinary Global Contexts*. Vol. 2. No. 2. P. 163–174.

Harvey D. (2005) *A Brief History of Neoliberalism*. Oxford: Oxford University Press. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780199283262.001.0001>

Lytkina T.S. (2005) *Ekonomicheskoe povedenie "novyh bednyh" v usloviyah socialnoj transformacii* [Economic Behavior of the "New Poor" in Conditions of Social Transformation]. Dis. kand. nauk. Moscow: SGU im. Pitirima Sorokina. (In Russ.)

Lytkina T.S. (2011) Socialnaya biografiya isklyucheniya v postsovetsoj Rossii [The Biography of Social Exclusion in Post-Soviet Russia]. *Zhurnal sociologii i socialnoj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 14. No. 1. P. 87–109 (In Russ.)

Lytkina T.S. (2012) Socialnyj kapital v reshenii socialnyh problem: praktiki solidarnosti bednyh v Respublike Komi [Social Capital in Solving Social Problems: Solidarity of the Poor in the Komi Republic]. *Zhurnal sociologii i socialnoj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 15. No. 3. P. 130–154 (In Russ.)

Lytkina T.S., Yaroshenko S.S. (2019) Vozmozhna li sociologiya dlya trudyashchihsya klassov segodnya? [Is Sociology for the Working Classes Possible Today?]. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. Vol. 28. No. 1. P. 101–123. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-1-101-123>

Lytkina T., Yaroshenko S. (2023) Vytesnenie Rossiyskogo Severa: isklyuchenie bez prava na resursy [Expulsions of the Russian North: Exclusion Without Rights to Resources]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology]. Vol. 24. No. 5. P. 93–127. (In Russ.) DOI: <http://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-5-93-127>

Marshall G. (1994) *The Concise Dictionary of Sociology*. Oxford: Oxford University Press.

Polanyi K. (2002). *Velikaya transformaciya. Politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni* [The Great Transformation: the Political and Economic Origins of Our Time]. St. Petersburg: Aletejya. (In Russ.)

Putnam R.D. (1995) Turning In, Turning Out: The Strange Disappearance of Social Capital in America. *Political Science and Politics*. Vol. 28. No. 4. P. 664–683.

Putnam R.D. (1996) *Chtoby demokratiya srabotala. Grazhdanskije tradicii v sovremennoj Italii*. [Making Democracy Work. Civic Traditions in Modern Italy]. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)

Schorn A. (2012) Sozialer Zirkus zwischen pädagogischen Utopien und marktwirtschaftlicher Realität. Ein Fallbeispiel: Zirkus UPSALA im federleichten Spagat zwischen künstlerischer und sozialer Arbeit mit Kindern und Jugendlichen!? [A Social Circus Between Educational Utopias and Market Economic Reality. A case study: Circus UPSALA in a Featherweight Balancing Act between Artistic and Social Work with Children and Young People!?!]. *Zeitschrift für Theaterpädagogik* [Journal for Theatre Education — Correspondence]. No. 61. P. 40–44. (In Germ.)

Shabanova M.A. (2017). Tradicionnye i novye solidarnosti v prostranstve potrebitelskih blag i resursov [Traditional and New Solidarity Practices in the Universe of Consumer Goods and Resources]. *Sotsiologicheskie Issledovaniia* [Sociological Studies]. No. 8. P. 31–44.

Smith D.E. (2005) *Institutional Ethnography: A Sociology for People*. Toronto: AltaMira Press.

Sorokin P. (1950) *Altruistic Love: A Study of American "Good Neighbours" and Christian Saints*. Boston: Beacon Press.

Sorokin P.A. (1994) *Obshchedostupnyj uchebnik sociologii. Stati raznyh let* [A Publicly Accessible Textbook of Sociology. Articles from Different Years]. Moscow: Institut Sociologii RAN. (In Russ.)

Tilly Ch. (1983) Speaking Your Mind Without Elections, Surveys or Social Movements. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 47. No. 4. P. 461–78

Touraine A. (1999) Sposobny li my zhit vmeste? Ravnye i razlichnye [Are We Able to Live Together? Equal and Different]. In: V.L. Inozemcev (ed.) *Novaya postindustrialnaya volna na Zapade. Antologiya* [The New Post-Industrial Wave in the West. Anthology]. Moscow: Academia. (In Russ.)

Wright E.O. (2007) Guidelines for Envisioning Real Utopias. *Soundings*. No. 36. P. 26–39. DOI: <https://doi.org/10.3898/136266207820465778>

Wright E.O. (2010) *Envisioning Real Utopias*. London: Verso.

Yaroshenko S. (2005) *Bednost v postsocialisticheskoy Rossii* [Poverty in Post-Socialist Russia]. Syktyvkar: Komi NC UrO RAN. (In Russ.)

Yaroshenko S. (2013) "Zhenskaya rabota" i lichnoe blagopoluchie. Tekhnologii isklyucheniya v postsovetsoy Rossii ["Women's work" and Personal Well-Being: Technology of Exclusion in Post-Soviet Russia]. *Ekonomicheskaya sotstologiya* [Journal of Economic Sociology]. Vol. 14. No. 5. P. 23–59. (In Russ.)

Yaroshenko S., Schorn A. (2020) Socialnyj cirk v postsocialisticheskoy Rossii: kejs-stadi novoj solidarnosti [The Social Circus in Post-Socialist Russia: A Case Study of New Solidarity]. *Zhurnal*

issledovanij socialnoj politiki [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 18. No. 3. P. 491–508. (In Russ.)
DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-3-491-508>

Zdravomyslova E., Yaroshenko S. (2022) Publichnaya sociologiya v Rossijskom kontekste [Public Sociology in the Russian Context]. *Globalnyj dialog* [Global Dialogue]. Vol. 12. No. 3. P. 8–10. (In Russ.)

Authors Bio:

Svetlana S. Yaroshenko — Candidate of Sociology, Independent Researcher, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** svetayaroshenko@gmail.com. **RSCI Author ID:** 121756; **ORCID ID:** 0000-0002-2301-9172; **ResearcherID:** N-4603-2013.

Tatyana S. Lytkina — Candidate of Sociology, Senior Researcher, Institute of Socio-Economic and Energy Problems Komi SC UB RAS, Syktyvkar, Russia. **E-mail:** tlytkina@yandex.ru. **RSCI Author ID:** 372110; **ORCID ID:** 0000-0003-1972-9080; **ResearcherID:** N-9076-2017.

Received: 30.09.2023

Accepted: 01.11.2023